

ЭРИН УАТТ

ОДНА
МАЛЕНЬКАЯ
ВЕЩЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое)-44
У15

Erin Watt
ONE SMALL THING

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg Literary Agency

Дизайн обложки Яны Половцевой

Уатт, Эрин.
У15 Одна маленькая вещь: [роман] / Эрин Уатт; пер.
с англ. Н. Болдыревой. — Москва: Издательство
АСТ, 2023. — 320 с. — (Бумажная принцесса).

ISBN 978-5-17-154518-5

Все, чего хочет Бэт, — избавиться от гиперопеки со стороны родителей, которые буквально помешались на контроле после того, как погибла Рейчел, ее старшая сестра. Поэтому когда девушка тайком ускользает на запретную вечеринку и встречает там синеглазого парня по имени Чейз, она не раздумывая заводит с ним близкое знакомство. Только Бэт не догадывается, чем обернется для нее эта, казалось бы, незначительная встреча...

Чейз только что вернулся в город, где на каждом углу его поджидают демоны прошлого. И теперь ему придется заново пережить то, что произошло несколько лет назад, в ту ночь, когда погибла Рейчел.

Запретный роман в последний учебный год — то, о чем они меньше всего мечтают. Теперь перед Бэт и Чейзом стоит непростой выбор: пойти наперекор общественному мнению или возненавидеть друг друга, поддавшись обстоятельствам.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-154518-5

Copyright © 2018 by Timeout LLC
© Н. Болдырева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

1

— Привет, щеночек, — смеюсь я, заметив, как Морган, пес миссис Ренник, мчится через лужайку и прыгает на мои штаны цвета хаки.

— Морган, ко мне! — с досадой кричит миссис Ренник. — Прошу прощения, Лиззи, — говорит она, бросаясь оттаскивать от меня большого черного пса, впрочем, без особого успеха. Она маленькая, а он такой большой, что они почти одного размера.

— Не стоит беспокоиться, миссис Эр. Я люблю Моргана. — Я присаживаюсь на корточки и чешу здорового пса за ушами. Он радостно тьявкает и слюнявит мне щеку. — И теперь меня зовут Бэт, — напоминаю я соседке. — Мне уже семнадцать, и Лиззи — имя, которое я хочу забыть. К сожалению, кажется, никто не утруждается запомнить это.

— Точно. Ну, значит, Бэт, не поощряй его, — ругается она, дергая пса за ошейник.

Я еще немного чешу его за ушами, прежде чем отпустить.

— Твоя мама сильно расстроится, — волнуется миссис Эр.

Я опускаю взгляд на свою белую блузку, которая в добавление к уже поставленным на работе пятнам от еды теперь покрыта слоем собачьей шерсти.

— Ее все равно нужно было стирать.

— И все же скажи маме, что я извиняюсь. — Она от-
таскивает Моргана за ошейник. — Обещаю лучше при-
сматривать за ним.

— Необязательно, — говорю я. — Мне нравится об-
щаться с Морганом. Это стоит выговора. Кроме того,
больше нет причин, по которым мы не могли бы заве-
сти домашнее животное. — Я выпячиваю подбородок.
Предлог, по которому в нашем доме не было животных,
отсутствует уже три года, хотя моим родителям не нра-
вится признавать этот факт.

Миссис Эр замолкает на секунду: не могу понять,
сдерживает ли она грубые слова по поводу моей черст-
вости или из-за строгости моей мамы. Поэтому не реша-
юсь продолжать эту тему.

— Уверена, у нее есть причины, — наконец отвечает
миссис Эр и машет мне на прощание рукой. Она не хо-
чет вмешиваться. Хорошая позиция. Я бы тоже так по-
ступила.

Морган и миссис Эр исчезают в своем гараже. Я по-
ворачиваюсь и, прищурившись, смотрю на свой дом, же-
лая оказаться где угодно, только не здесь.

Затем проверяю телефон: никаких сообщений
от моей лучшей подруги Скарлетт. Утром мы договори-
лись пойти погулять после моей смены в «Магазинчике
мороженого». Занятия в школе начинаются с понедель-
ника. Для Скарлетт это означает, что веселое лето за-
кончилось. Для меня — что я на день ближе к истинной
свободе.

Я кручу головой, пытаюсь снять напряжение, кото-
рое всегда появляется, когда смотрю на собственный
дом. Тяжело выдыхаю и приказываю ногам идти вперед.

В прихожую просачивается *Bad Blood* Тейлор Свифт.
Мамин плейлист навеки остался в 2015-м, с его Сэмом

Смитом, Фарреллом и *One Direction*, когда в их составе еще было пять человек. Я скидываю уродливые черные рабочие туфли и бросаю сумочку на скамейку.

— Это ты, Лиззи?

Она умрет, назвав меня Бэт?! Хотя бы раз.

Я скрежещу зубами.

— Да, мама.

— Прошу, уберись в своем шкафчике. Там беспорядок.

Бросаю взгляд на свою часть шкафа в прихожей. Там *не такой уж* беспорядок: на крючках висит пара курток, на полке — стопка тех книг Сары Джей Маас, что я перечитываю в восемнадцатый раз, упаковка мятных конфет, дезодорант, который Скарлетт купила мне на последней распродаже в Victoria's Secret, и несколько случайных школьных принадлежностей.

Подавив вздох, складываю все на книги Маас и выхожу в кухню.

— Ты убралась там? — спрашивает мама, не утруждаясь поднять взгляд от морковки, которую шинкует.

— Да. — Выглядит неаппетитно, но такой вид для меня после работы имеет любая еда.

Я наливаю себе стакан воды.

— Да, мама, я убралась.

Видимо, мои слова звучат неубедительно, потому что она откладывает нож и идет в прихожую. Через две секунды я слышу:

— Лиззи, я думала, ты сказала, что убралась тут.

Р-р-р. Я со стуком ставлю стакан и иду к ней.

— Убралась! — восклицаю я, указывая на аккуратно расставленные на книгах вещи.

— А как насчет этого?

Я слежу за ее пальцем, указывающим на сумку-почталонку, висящую на крючке в соседней секции.

— Что не так?
— Твоя сумка — в секции Рейчел, — отвечает она. — Ты знаешь, ей это не нравилось.

— И что?

— Что? Сними ее оттуда!

— Почему?

— Почему? — Ее лицо каменеет, а глаза блестят. — Ты знаешь, почему! Сними ее немедленно!

— Я... а знаешь, хорошо. — Я тянусь за сумкой и гневно бросаю ее в свою часть шкафа. — Вот, довольна?

Мама поджимает губы. Она сдерживает какой-то язвительный комментарий, но я могу достаточно ясно прочесть в ее глазах злость.

— Тебе следовало сперва подумать, — произносит она, прежде чем вернуться на кухню. — И убери эту собачью шерсть. В нашем доме не место животным.

Яростный ответ вертится на языке, застревает в горле и заполняет голову. Мне приходится стиснуть зубы так сильно, что сводит челюсти. Если бы я не сделала этого, из меня вырвались бы слова — плохие, те, которые выставили бы меня безразличной, эгоистичной и завистливой.

Может быть, я такая и есть? Возможно. Но я все еще жива, разве это ничего не значит?

Боже, не могу дождаться окончания школы, того дня, когда покину этот дом и освобожусь из этой дурацкой, ужасной, *гребаной* тюрьмы.

Слезы капаят на блузку. Пуговица отлетает и падает на плитку пола. Я ругаюсь про себя. Мне придется упрашивать маму пришить ее сегодня, потому что у меня есть только одна рабочая блузка. Но к черту все это. Кому какое дело? Кого беспокоит, есть ли у меня чистая блузка? Покупатели в «Магазинчике мороженого» как-нибудь переживут, если несколько шерстинок

или пятно шоколадной подливки та-а-ак уж оскорбительны для них.

Я сдираю с себя грязную блузку и сую ее в раковину, для комплекта снимаю еще и штаны. Прохожу по кухне в одном белье.

Мама издает полный отвращения гортанный звук.

Когда я уже собираюсь подняться по лестнице, мой взгляд привлекает пачка белых конвертов. Почерк кажется знакомым.

— Что это? — с тревогой спрашиваю я.

— Твои заявления в колледж, — отвечает она безразличным тоном.

Ужас пронизывает меня, когда я смотрю на конверты, на почерк и адрес отправителя. Что они делают тут? Я мчусь к ним и начинаю перебирать. Университет Южной Калифорнии, Университет Майами, Университет Сан-Диего, Университет Бетун-Кукман.

Плотину, сдерживавшую мои эмоции до этой минуты, прорывает.

Хлопая ладонью по стопке конвертов, я требовательно спрашиваю:

— Почему они тут? Я кинула их в почтовый ящик.

— А я вытащила, — отвечает мама, все еще сосредоточенно глядя на морковь перед собой.

— Почему ты это сделала? — Я чувствую, что готова разрыдаться. Так случается всякий раз, когда я зла или расстроена.

— А зачем ты подаешь их? Ты туда не поступишь. — Она тянется за луком.

Я кладу руку ей на запястье.

— Что ты хочешь сказать своим «ты туда не поступишь»?

Она вырывает руку и бросает на меня надменный, холодный взгляд.

— Мы платим за твою учебу в школе. Это значит, что ты поступишь туда, куда мы скажем: в колледж Дарлинга. И тебе не надо рассылать заявки. Мы уже заполнили заявление от твоего имени. Тебя примут в октябре или около того.

Колледж Дарлинга — один из интернет-колледжей, где платят за степень. Это ненастоящий колледж. Никто не принимает его диплом всерьез. Когда летом они сказали, что хотят, чтобы я училась там, я подумала: это шутка.

Я чуть не открыла рот от удивления.

— Дарлинг? Это даже не настоящий колледж. Это... Она взмахивает ножом.

— Разговор окончен, Элизабет.

— Но...

— Разговор окончен, Элизабет, — повторяет она. — Мы делаем это для твоего же блага.

Я плююсь на нее в недоумении.

— Оставить меня тут, чтоб я училась в этом колледже, — для моего же блага? Дипломы Дарлинга не стоят даже бумаги, на которой они напечатаны!

— Тебе не нужен диплом, — говорит мама. — Ты будешь работать в магазине отца. А когда он отойдет от дел, встанешь на его место.

По моей спине бежит холодок. О боже! Они собираются держать меня тут вечно. Они никогда, никогда не отпустят меня.

Мою мечту о свободе погасили, словно пламя свечи.

С губ срываются слова. Я не хотела произносить их, но меня прорывает.

— Она умерла, мама! Она мертва уже три года! И она не вернется домой, если я не буду вешать свою сумку на ее крючок! Не встанет из могилы, если я не заведу собаку! Она мертва! *Мертва!* — кричу я.

Шлеп.

Я не замечаю ее ладони. Мама ударяет меня по щеке, задевая обручальным кольцом мои губы. Я настолько удивлена, что замолкаю, и, конечно, именно этого она и добивалась. Мы палимся друг на друга, тяжело дыша. Я не выдерживаю и первой выскакиваю из кухни.

Рейчел, может, и мертва, но ее дух в этом доме живее, чем я.

2

— Я не хочу ехать, — твердый тон Скарлетт непоколебим. Мы уже двадцать минут стоим у заправки, споря о наших планах. Подруга не уступает, как и я. Моя щека еще пылает от маминой пощечины.

Девчонки, пригласившие нас на вечеринку, стоят, прислонившись к черному джипу без крыши, раздраженно морща сильно накрашенные лица. Темноволосый парень на водительском сиденье смотрит с нетерпением. Удивительно, что они ждут нас, ведь мы незнакомы и приглашение стало результатом короткого разговора у стойки с чипсами: я сказала блондинке, что мне нравится ее блузка.

— Тогда оставайся, — отвечаю я Скарлетт.

Она с благодарностью смотрит на меня своими карими глазами.

— О, ладно, хорошо. Значит, мы не едем?

— Нет, *ты* не едешь. — Я вскидываю голову. — *Я* еду.

— Лиззи...

— Бэт, — резко обрываю я.

От меня не ускользает раздражение в ее взгляде.

— Бэт, — исправляется она, растягивая один слог так, как будто ей некомфортно его произносить.

Как и родители, лучшая подруга с трудом привыкает к моему новому имени. Скарлетт вовсе не считает

имя Лиззи детским. «Более по-детски вдруг начать называть себя по-новому после того, как всю жизнь была Лиззи!» — ответила она, когда в начале лета я объявила, что отныне меня зовут Бэт. Конечно же, она так считает, ведь у нее крутое имя. Кому взбредет в голову менять его?

— Ты даже не знаешь этих девчонок, — подчеркивает Скарлетт.

Я снова пожимаю плечами.

— Познакомлюсь.

— Бэт, — жалостливо произносит она, — прошу.

— Пожалуйста, Скар, — отвечаю я не менее жалостливо. — Мне это нужно. После того, что случилось сегодня, мне просто необходимо развлечься, провести сумасшедшую ночь, ни о чем не думая.

Выражение лица Скарлетт становится мягче. Она знает все о пощечине и предательстве с колледжем: это было единственное, о чем я могла говорить, когда пришла к ней вечером домой. Думаю, она устала слушать все это и поэтому предложила выйти и покататься по округе.

— Я правда не хочу ехать, — признается она. — Но и не хочу, чтобы ты ехала одна.

— Со мной все будет в порядке, — обещаю я, — заеду на пару часов, осмотрюсь там, а потом вернусь обратно к тебе. Так что мы сможем сидеть допоздна и есть мороженое.

Она закатывает глаза.

— Все мороженое — твое. Я на жесткой диете до понедельника. Мне нужно выглядеть хорошо в первый день учебы в выпускном классе.

Громкий гудок раздается со стороны ожидающего джипа.

— Йоу! Давайте уже! — кричит водитель.

— Увидимся, Скар, — быстро говорю я, — оставь для меня открытой заднюю дверь, ладно? — и устремляюсь к джипу раньше, чем она успевает возразить.

— Еду, — кричу я девчонкам. Если не сделаю что-то, выходящее за очерченные родителями рамки, то просто взорвусь. От меня останутся одни ошметки. Именно так я себя сейчас и чувствую: развалиной, наскоро склеенной моими родителями.

— Наконец-то, — бормочет одна из них, а другая надувает ярко-розовый пузырь жвачки.

— Бэт! — зовет Скарлетт.

Я оглядываюсь.

— Ты передумала?

Она качает головой.

— Просто будь осторожна.

— Буду. — Я забираюсь на заднее сиденье рядом с блондинкой. Ее подруга прыгает на пассажирское место впереди и что-то шепчет водителю. Я перевешиваюсь через край двери, чтобы снова крикнуть Скарлетт:

— Если мои родители позвонят, скажи им, что я сплю. Вернусь через несколько часов. Обещаю.

Я посылаю ей воздушный поцелуй, и после секундной заминки она делает вид, будто ловит его ладонью и припечатывает к щеке. Затем подруга направляется к своей машине, а парень за рулем джипа заводит мотор, и мы срываемся с парковки.

Ветер подхватывает и треплет мои волосы, а я пересчитываю все грехи, которые только что совершила.

Приняла приглашение на вечеринку от ребят, которых не знаю.

Еду в соседний город, вовсе не похожий на мой: красивый и безопасный, с аккуратными заборчиками и яблонями.

Села в машину к незнакомцам. Вероятно, самый тяжкий грех. Родители отправят меня в монастырь, если узнают об этом.

Но знаете что?

Мне, мать вашу, плевать.

Они уже объявили, что я должна поступить в колледж рядом с домом. Теперь у нас война.

Чувствую себя в ловушке. Моя жизнь подчинена их правилам и их паранойе. Мне семнадцать. Предполагается, что я должна с радостью ждать окончания школы; должна быть окружена друзьями и милыми парнями, которые жаждут со мной встречаться; должна наслаждаться этим временем. Говорят, что после школы жизнь становится сложнее, и это ужасно угнетает. Если сейчас лучшие годы моей жизни, то какой же дрянной она станет *после*?

— Как тебя зовут? — спрашивает блондинка.

— Бэт. А тебя?

— Эшли, но можешь звать меня Эш. — Она указывает на передние сиденья. — Это Кайла и Макс. Мы первогодки старшей школы Лексингтона.

— А я перехожу в выпускной класс в Дарлинге, — отвечаю я.

Ее накрашенный красной помадой рот искривляется в легкой ухмылке.

— Понятно, ты дорогая штучка.

Я ощетиливаюсь в ответ.

— Не все в Дарлинге богачи, знаешь ли.

Это правда. Моя семья точно не такая богатая, как другие в нашем городке, хотя в нем для среднего класса тихо и безопасно.

Вечеринка, на которую мы едем, состоится в Верхнем Лексингтоне, или Лексе, как называют его местные. Это рабочий район с маленькими домами, небогатым

населением и шумными детьми. Хотя и в Дарлинге, и в Лексе найдутся те, кто предложит вам что-нибудь запрещенное. Родители с ума сойдут, если узнают, что я была тут. У Скарлетт чуть не началась истерика, когда нам пришлось остановиться на заправке в Лексингтоне.

— Так что ты делаешь в Лексе в субботу вечером? — поворачивается с переднего сиденья Кайла. — Ищешь, на какую бы вечеринку попроситься?

Я пожимаю плечами.

— Просто хочу хорошо провести время, прежде чем начнется учеба.

Макс громко ухает.

— Вот это по-нашему! Как, ты говоришь, тебя зовут, любительница хорошо провести время?

— Бэт, — повторяю я.

— Бэт, — он одной рукой держит руль, а вторую протягивает мне. — Дай мне немного сахарку, Бэти. Время развлечений.

Я неловко хлопаю его по ладони и выдавливаю из себя улыбку. Меня накрывает чувство вины, что бросила Скарлетт, но я подавляю его и забываю об этом окончательно. В конце концов, Скарлетт смирилась с тем, что я еду туда. Хотя, мне кажется, она не вполне понимает, почему я так хотела там оказаться. У Скарклевы родители. Они ненапряжные, веселые и дают ей столько свободы, что она даже не знает, куда ее девать.

Я все понимаю: мои родители потеряли дочь, я — сестру. Мы любили Рейчел и тоскуем по ней. Я — больше всех. Но то, что произошло с моей сестрой, было просто несчастным случаем. И его виновник наказан. О чем еще можно просить? Рейчел уже не вернуть. Правосудие свершилось, если можно так сказать. А я все еще здесь и хочу *жить* полноценной жизнью. Разве это плохо?

— Мы на месте! — объявляет Эшли.

Макс паркуется через дорогу от небольшого дома, обшитого белой вагонкой. На заросшем газоне полно подростков. Пивные бутылки передаются по кругу, в открытую, как будто никому нет дела до патрулирующих полицейских машин.

— Чей это дом? — спрашиваю я.

— Парня по имени Джек, — отвечает Эш равнодушным тоном. Она слишком занята: приветствует каких-то девушек на поляне.

— Его родители дома?

Кайла фыркает.

— Хм, нет.

Тогда ладно.

Мы выбираемся из джипа и пробираемся сквозь толпу к входной двери. Кайла и Макс исчезают, как только оказываемся в доме. Эшли держится рядом со мной.

— Давай возьмем выпить! — кричит она.

Я едва слышу ее сквозь оглушающие звуки хип-хопа, что сотрясают стены. Дом забит людьми, в воздухе пахнет смесью духов, дезодорантов, пота и несвежего пива. Не совсем то, к чему я привыкла, но выбирать не приходится. Ребята выглядят достаточно дружелюбно. Я ожидала драки, в которой противники голыми кулаками выколачивают друг из друга дух, но внутри все просто танцуют, пьют и очень громко разговаривают друг с другом.

Эш тянет меня в маленькую кухню с покрытыми клеенкой столами и древними обоями. Полдюжины парней столпились у открытой задней двери и что-то курят.

— Харли! — радостно вскрикивает Эш и обнимает одного из парней. — Боже! Когда ты вернулся?

Высокий парень отрывает ее от пола и смачно целует прямо в губы. Мне кажется, он не в себе, потому что взгляд у него совершенно отсутствующий. Я неловко